

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Б. Н. Морозов*

Сказание об Успенском монастыре
в Александровской слободе

Введение

Александровский в честь Успения Божией Матери женский монастырь Владимирской и Суздальской епархии в г. Александрове Владимирской обл. основан в середине XVII в. на месте бывшей резиденции царя Ивана Грозного прп. Лукианом († 1654), а затем окормлялся прп. Корнилием († 1681). Позднее монастырскими духовниками становились иеромонахи Лукиановой пустыни.

С первых лет своего существования монастырь пользовался покровительством царской семьи — царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны Милославской, которые посещали его и делали щедрые вклады. Покровительствовала монастырю и 2-я супруга Алексея Михайловича — царица Наталья Кирилловна Нарышкина¹. В 1664 г. обители была назначена руга. К началу 1680-х гг. в ней проживали уже 200 сестер², велось активное строительство. Были частично перестроены старые храмы XVI в. — Успенский и Троицкий, сооружены каменные кельи. При царе Федоре Алексеевиче, посетившем монастырь в 1677 г., началось строительство каменной ограды, были построены надвратная церковь Феодора Стратилата и Сретенская церковь при больничном корпусе.

В 1699 г. с именем Маргарита в Успенском Александровском монастыре постриглась дочь царя Алексея Михайловича Марфа, которая жила в специально построенной для нее белокаменной келье у Распятской церкви-колокольни в окружении небольшой свиты. Здесь она и скончалась в 1707 г. Инокиню Маргариту погребли в общей усыпальнице в подклете Сретенской больничной церкви. Известно, что в 1706 г. большую царевну посетил ее племянник — опальный царевич Алексей Петрович — и сделал вклад в монастырскую

* © Морозов Б. Н., 2006

Борис Николаевич Морозов, кандидат исторических наук, Институт славяноведения РАН. Публикация подготовлена при поддержке Агиографического совета при Патриархе Московском и всея Руси, проект № 001–2005.

казну³. В 1708 г. по умершей царевне в монастыре отслужил обедню и панихиду свт. Димитрий Ростовский. В начале XVIII в. здесь жила и другая царская родственница — боярыня Прасковья Алексеевна Нарышкина (вдова убитого стрельцами в 1682 г. Ивана Кирилловича Нарышкина, брата царицы Натальи Кирилловны)⁴. В 1713 г. в Успенском Александровском монастыре завещала похоронить себя царевна Феодосия Алексеевна. К 1727 г. в монастыре числилось около 400 сестер. В это время в Александровской слободе жила царевна Елизавета Петровна. После своего вступления на престол она щедро жаловала обитель.

По штатам 1764 г. Успенский Александровский монастырь отнесен к 1-му классу. Кроме штатного содержания он получал «из щедрот императрицы Екатерины II» дополнительные средства через Коллегию экономии⁵.

В течение XIX в. монастырь продолжал получать казенное содержание. Он имел 3 деревянных подворья в Александрове и каменное подворье в Москве. В конце столетия в монастыре открылись церковноприходская школа и странноприимный дом, а во время русско-японской войны 1904–1905 гг. — больница для раненых солдат.

После революции, в 1918 г., служебные здания и имущество Александровского Успенского монастыря реквизируют и к 1923 г. обитель упразднили. На ее территории открыли Александровский историко-бытовой музей. Наиболее ценные из оставшихся в обители предметы вывезли в Москву. Богослужение в Троицком (древнем Покровском) соборе возобновилось в 1946 г. (есть сведения, что храм действовал как приходской до 1937 г.⁶). 10 ноября 1991 г. в Александровском Успенском монастыре была восстановлена монашеская жизнь. В 1995 г. обретенны святые мощи прп. Корнилия, в настоящее время они почивают в правом приделе Троицкого собора.

Такова краткая история Александровского Успенского монастыря, освещающая его внешние события. Внутренняя же история первых десятилетий монастырской жизни в XVII в., а также деятельность и заветы ее основателей содержатся в замечательном памятнике отечественной церковной истории, агиографии и древнерусской литературы — «Сказании о Успенском девичьем монастыре».

Единственный список данного памятника в рукописи XVIII в. находится в составе собрания рукописных книг Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Александровская слобода» (шифр АМ–1793/266). Он был известен ученым уже с середины XIX в.⁷ и опубликован архимандритом Леонидом (Кавелиным)⁸.

Текст «Сказания», более известного под названием «Летопись», данным его переписчиком в XVIII в., постоянно используется авторами сочинений по истории Успенского монастыря⁹. Как памятник письменности в современной научной литературе он не анализировался. Фундаментальный справочник «Словарь книжников и книжности Древней Руси» (Вып. 3: XVII в. Ч. 3–4. СПб., 1998–2004) это сочинение не упоминает.

Издаваемый заново список «Сказания» переписан в 1767 г. (см. ниже запись писца). Рукопись в четверку (20,4×16,3; текст: 16,5×12,5), 29 листов

(л. I–IV + 1–23 + V–VI). Рукопись пострадала от сырости, имеются затеки, следы плесени (убитой при реставрации); обветшавшие края листов дополнены при реставрации в конце XX в. Нумерация листов, проставленная писцом в 1767 г., начинается с л. 1 — обложки с записью-заголовком, которая выполняет роль титула. Л. I, II, VI (переплетные конца XX в.), IV и V (переплетные XIX в.) — чистые. После реставрации рукопись получила картонный переплет, оклеенный бумагой под мрамор, корешок и кожаные уголки (в подражание переплетам XVIII — начала XIX в.).

Для написания рукописи была использована бумага с водяным знаком, состоящим из букв: «ЯМ-АЗ» (Ярославская мануфактура Алексея Затрапезного), что подтверждает ее датировку 1760-ми гг.¹⁰ Текст переписан одним профессиональным скорописным почерком, довольно убористо — на листе от 21 до 25 строк. Некоторые росчерки нарочито удлинены и утолщены. Текст помещен в линейную рамку.

На л. 1 запись писца: «Сия тетрадь, или Летопись, Переславского уезду Залеского дворцовой Александровой слободы Александровских (!) управителских дел подканцеляриста Ивана Ларионова сына Зубова. Зачата писать августа 31 числа 1767 году». Здесь же, сверху листа, возможно синхронно данной записи, проставлено: «№ 1». В дальнейшем этот номер был заклеен ярлыком, ныне утраченным. Его след виден по менее загрязненной бумаге. Рядом с номером помета (карандашом): «№ 1560.».

На л. 1 об. вычисления дат (?) чернилами и карандашом XIX в. На л. 2 на верхнем поле карандашом XIX в. перевод даты в начале текста: «От Р. X. 1642?»; «7150–1642». На л. 18 красным карандашом выделен (отчеркнут) текст о нападении разбойников на прп. Корнилия. На л. 23 об. штамп: «Библиотека Александровского музея Влад[имирской области] книга № 1303. отд.» (номер вписан от руки); на л. V об. синими чернилами: «В–29600/1317» — зачеркнуто карандашом.

«Сказание» («Летопись») об Успенском Александровском монастыре не имеет заголовка и начинается без всякого вступления, как бы с летописной записи: «В лето 7150-го (1641/1642) году во обители Рождества Пресвятыя Богородицы, иже на болоте, от Александровой слободы имея расстояние в десяти поприща, строитель Лукиан, жилище имея в созданной от него обители. И с тое слободы Алесандровы той строитель Лукиан постриг прежде всех в начале у себя в Лукияновой пустыни из Александровой слободы троицкого священника Феодора вдовую попадью Анну и нарече имя ей Анисия».

В составе текста на л. 5 об.— 6 — начало Жития прп. Корнилия до его прихода в монастырь («Приспе же слово о отце Корнилии. Отец же Корнилий рождение имея близ царствующаго града Москвы в Троицкой слободе. Отца имея именем Игнатия, художеством купец бе, и матере Евдокеи»). На л. 18 об.— 22 об. подробно рассказывается об уставе, обиходе монастыря и духовных заветах прп. Корнилия. Текст, вероятно, не дописан. Его последняя фраза не закончена: «Еще бо в начале общаго жительства отец Корнилий говорил Богом собранному своему стаду». Возможно, переписчик имел перед собой дефектную рукопись или располагал необработанными материалами XVII в.

Необходимо кратко рассказать о писце, благодаря которому до нас дошел единственный список данного памятника. Иван Иларионович («Ларионов сын») Зубов († 1796) в 1767 г. служил подканцеляристом Александровского дворцового правления. В 1779 г. (после придания слободе статуса города) его записали в купечество. Зубов принадлежал к одному из самых известных александровских родов, представители которого с начала XIX в. были фабрикантами, бургомистрами, городскими головами, а в конце XIX — начале XX в., войдя в состав интеллигенции, стали известными учеными¹¹. Его родоначальники в XVII в. были посадскими людьми Александровской слободы. Дед И. И. Зубова — Никита Иванович Зубов (род. 1677), по данным 2-й ревизии 1744 г., числился подьячим, а отец — Иларион Никитич Зубов в 1740 г. — канцеляристом при Вотчинной канцелярии в Москве. Сам Иван Иларионович, очевидно очень молодым человеком, в том же 1744 г. начинал службу подьячим. Он был незаурядным книжником. В Описании Музейного собрания Отдела рукописей РГБ (Т. 2: № 3006–4500. М., 1997. С. 28–31. № 3058–3063) отмечен ряд приобретенных и переписанных И. И. Зубовым рукописей самого разного содержания, переданных еще в 1887 г. в Библиотеку Румянцевского музея одним из его потомков — И. В. Зубовым¹².

Можно предположить, что И. И. Зубов в то же время переписал еще один подобный памятник — «Повесть о основании Лукиановой пустыни и сказание о иконе Рождества Богоматери в Псковитиновой рамени», поскольку рукопись, содержащая самый ранний список «Повести», датированная 1766 г., поступила в то же Музейное собрание (ныне РГБ, ф. 178, № 9662)¹³.

Не позднее середины XIX в. рукопись «Сказания» из семейной библиотеки Зубовых была передана в Успенский монастырь (других списков «Сказания» в нем уже, очевидно, не было). Опубликовавший рукопись архимандрит Леонид (Кавелин) предположил, что «эта так называемая “Летопись”, точнее “Сказание о основании Успенского монастыря и о деятельности его первоначальников преподобн. Лукиана и Корнилия к его благоустройству внутреннему и внешнему”, написано, как видно, одною из монахинь сего монастыря, очевидицей трудов препод. Корнилия в своей молодости. Написано же в половине прошлого столетия [т. е. в XVIII в.— Б. М.] и в копиях распространялось между жителями Александрова, “знавшими лично старца и благоговевшими к его памяти”»¹⁴.

Мне представляется, что «Сказание» складывалось не в 1-й половине XVIII в., а в последние десятилетия XVII в., возможно, вскоре после кончины в 1681 г. прп. Корнилия или даже в более раннее время. Об этом говорит структура текста. В нем отражены конкретные факты, рассказывающие о начале обители и ее благоустройстве, упомянуто покровительство монастырю царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны, но ничего не сказано о посещении монастыря царем Федором Алексеевичем в 1677 г. и о его жалованной грамоте на мельницы от того же года¹⁵. Затем сделана попытка представить биографию прп. Корнилия (точнее, автобиографию — «Сам сия нам поведа про себе») в форме традиционного Жития, но ничего не говорится о его кончине. Для поздней датировки «Сказания» оснований

нет, однако следует учитывать, что в 1767 г. текст не был дописан Зубовым, и в его полном варианте могли существовать записи о позднейших событиях.

О создании текстов по истории Успенского монастыря в течение всей 2-й половины XVII в. свидетельствует другая рукопись из собрания Александровского музея-заповедника (также написанная в XVIII в.), содержащая сказание о чудесах от икон Богородицы (Успения, Владимирской, Страстной и Казанской) в Успенском девичьем монастыре Александровой слободы (шифр АМ-1793/267), текст которого подготовила к печати Л. В. Мошкова. Записи чудес содержат ряд параллелей со «Сказанием» об основании монастыря и о его первых насельниках, переписанным Зубовым. Очевидно, что оба памятника взаимосвязаны и могли создаваться как единое произведение.

Публикуемое «Сказание» представляет собой яркий и подробный рассказ о становлении новой обители. Оно заметно выделяется среди других подобных произведений, где историческое описание не сопровождается повествованием о повседневной жизни инокинь и их духовно-нравственном воспитании настоятелем.

Особое место в «Сказании» уделено описанию установления в монастыре общежительства, завещанного прп. Лукианом. Прп. Корнилию пришлось преодолевать сомнения стариц, опасавшихся несогласия и мятежа, которые случались в то время в общежительных обителях. Когда в Успенский монастырь стали приходить женщины из окрестных селений, прп. Корнилий не сразу принимал их в монастырь, а постепенно приучал к трудностям монашеской жизни. Постепенно, но упорно он отучал их от свиданий с родственниками, но когда видел «свое стадо унывающо, подавая им малое утешение», отпускал сестер помолиться в Лукианову пустынь, «или в воскресные дни отпускает их со игуменьей или со старейшими старицами погулять и мало утешиться от уныния в тихое место: в поле или близ реки, идеже несть людского пути».

Большое место уделяется описанию совместного труда инокинь во главе с прп. Корнилием, приучавшим свою паству к послушанию, — особенно подробно описано строительство новых келий и каменной трапезной. Тогда же были устроены и монастырские службы: главная — казенная, а также келарская, житенная, квасная, сушильная, мастерские — швейная, красильная, сапожная, в которых сестер учили разному мастерству. Была устроена и больница, где выполняли послушание 4 юные монахини. Интересно описание порядка выдачи старицам казенных денег — только на самые необходимые потребности. Получавшие за свою службу деньги клирошанки должны были сдавать их в общую казну (описан гнев духовного настоятеля обители, когда клирошанки решили разделить деньги, полученные ими от московских торговых людей). Сестер обучали церковному пению, а неграмотных — чтению. Сам прп. Корнилий внимательно следил за ходом богослужения в храме, наблюдал за поведением сестер, жезлом будил дремлющих. Подробно описан и процесс общей трапезы, за которой иногда тайно наблюдал прп. Корнилий.

В конце «Сказания» говорится об основании прп. Корнилием детского приюта и школы: «Начат маленькия словесныя овечки собирати убогия и сиротки, ово дву лет, ово же трех, иная же пяти лет. И собрася их числом 15, и устрои отец школу». В ней специальная учительница («мастерица 16 лет») учила не только азам грамотности, но и заучиванию «рацей», за чтение которых им давали деньги богомольцы. Дети отдавали деньги учительнице, она же повелевала купить для них ягод «или иного чего». Завершает «Сказание» незаконченный рассказ о заветах прп. Корнилия, стремившегося не только к внешнему устройству и украшению обители, но «паче бо всех красот мира сего возлюбив благолепие дому Господню, имея велие разсуждение, что сего на сем свете несть честнейшаго, понеже бо в ней Духом Святым породихомся».

В первой публикации «Сказания о Александровском Успенском монастыре» при передаче текста был допущен ряд ошибок и неточностей. К примеру, искажена дата основания монастыря. В рукописи отчетливо написано: «в лето 7150-го году», т. е. в 1641/42 г. по современному летоисчислению. Зубов воспроизвел буквенную цифирь, в то время как во всех других случаях он использовал арабские цифры. В публикации архимандрита Леонида дата в начале текста воспроизведена как «В лето 7158-го (1650) году»¹⁶. Эта дата была принята всеми последующими авторами, пишущими об истории монастыря, несмотря на то что сверху текста не позднее конца XIX — начала XX в. были сделаны пометы: «От Р. Х. 1642», «7150–1642», и в справочнике В. В. Зверинского приведена дата 1642 г.¹⁷

1641/42 г. как дата основания монастыря (время пострижения первой инокини Анисии и «в мале времени» — Феодоры) не совсем сочетается с дальнейшим повествованием о том, что затем отец Лукиан поехал в Москву и получил первую грамоту, которую архимандрит Леонид датирует 1651 г.¹⁸ (правильнее 1650/51 г.). По тексту памятника между пострижением первых монахинь и получением грамоты прошло некоторое время. Если же считать моментом основания обители 1641/42 г., то этот срок оказывается равным 10 годам. Таким образом, вопрос о точной дате основания монастыря требует дальнейшего исследования.

В нескольких случаях в публикации 1887 г. текст «Сказания» изменен сознательно. Например, в описании наблюдения прп. Корнилия за монахинями во время церковной службы в тексте, где указано, что он «яко видит дремлюща, возбуждает и жезлом во главу ударяет», слова «во главу» изменены на «по малу»¹⁹; когда он видит новопривывшую сестру «жестокую и не кроткую, тогда много и жезлом бьет, дабы укротилася, и много слез об них проливая», слова «много и жезлом бьет» изменены на «мало и жезлом бьет»²⁰. Во фразе о том, что после строительных работ многие монахини «от великих трудов болезни прияша, и инии же надсадишася и помроша», последние два слова в публикации 1887 г. пропущены. Возможно, эти искажения древнего текста были допущены по требованию духовной цензуры того времени.

Текст «Сказания» передается по современным правилам публикации литературных текстов XVII в. Особенностью правописания рукописи Зубова, как и других рукописей XVIII в., является частый пропуск букв «й» и «и»

в окончаниях слов после предыдущей буквы «и». В подобных случаях необходимые буквы восстанавливались в квадратных скобках без примечаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В фондах Музея-заповедника «Александровская слобода» сохранились книжные вклады царицы Натальи Кирилловны — печатные Минеи служебные (М., 1691), вложенные в монастырь в том же 1691 г. в связи с рождением ее внука — царевича Алексея Петровича (подробнее об этом см. в неопубликованной работе: *Жилкина Е. В.* Книги с вкладными владельческими записями XVII — начала XVIII веков в собрании Музея-заповедника «Александровская слобода». Автор благодарен Е. В. Жилкиной за любезно предоставленную возможность ознакомиться с рукописью).
- ² См.: *Емченко Е. Б.* Александровский в честь Успения Божией Матери женский монастырь // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 611–612.
- ³ *Жилкина Е. В.* Указ. соч. № 10. Этот вклад царевича (принадлежавшая ему книга, изданная в 1705 г.) подтверждает предположение А. В. Дёмкина и Л. Е. Морозовой о том, что Алексей Петрович приезжал в монастырь (см.: *Дворцовые тайны: Царицы и царевны XVII века.* М., 2004. С. 342).
- ⁴ *Жилкина Е. В.* Указ. соч. № 15–18. Это также печатные Минеи служебные 1705 г. с владельческими записями боярыни.
- ⁵ См.: *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского женского монастыря в городе Александрове (Владимирской губернии). СПб., [1885]. С. 70.
- ⁶ См.: *Емченко Е. Б.* Указ. соч. С. 612.
- ⁷ См.: *Тихомиров К.* Библиотека первоклассного женского монастыря в г. Александрове // Владимирский сборник. М., 1857. С. 96, 105–107. См. также: *Бельчиков Н. Ф., Бегунов Ю. К., Рождественский Н. П.* Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. М.; Л., 1963. С. 19. Это единственная из рукописей монастырской библиотеки, оставшаяся в музее. См.: *Рогов А. И.* Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1962. С. 92–93.
- ⁸ *Леонид (Кавелин), архим.* Указ. соч. С. 11–33.
- ⁹ См.: Успенский женский монастырь в г. Александрове. Троице-Сергиева Лавра, 1993; Преподобные Лукиан и Корнилий Александровские. М., 2000; *Пэнэжско Олег, прот.* Храмы г. Александрова и окрестностей. [Владимир], 2003. С. 21–31.
- ¹⁰ *Клепиков С. А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959. № 747 — 1760, 1762, 1765–1766 гг.
- ¹¹ *Кукина Т. В.* Из истории александровского купеческого рода Зубовых // Зубовские чтения. Вып. 1. Владимир, 2002. С. 26–32. О своих предках, в том числе о И. И. Зубове, написал большую работу выдающийся историк науки и культуры Владимир Павлович Зубов (1900–1963), столетию которого были посвящены данные чтения — «Семейная хроника. Полежаевы-Зубовы (главы из неопубликованной работы)» (Там же. С. 33–47).
- ¹² Среди этих рукописей — приобретенный в 1760 г. Зубовым (тогда еще копиистом Александровского вотчинного правления) очень интересный по содержанию сборник (статьи не только по богословию, литературе и истории, но и по естественным наукам и даже по их истории — выписки из сочинения Вергилия Полидора Урбинского), составленный в 1730-х гг. подьячим Троице-Сергиева монастыря Анфимом

Ивановичем Шешковым, в монастыре Антонием (№ 3058); переписанные Зубовым в те же годы, что и «Сказание» (1765–1766 гг.), сборник указов и календарь (№ 3063); скопированные в 1768 г. жития преподобных Сергия и Никона Радонежских; переписанные уже в пожилые годы купцом Зубовым (1788–1789 гг.) 2 сборника (№ 3059, 3062), в 1794–1796 гг. (накануне кончины) — «Повесть о Варлааме и Иоасафе» (№ 3060). Из библиотеки рода Зубовых в Александровский музей попала еще одна рукопись середины XVII в. — травник-лечебник — список памятника «Благопрохладный вертоград здравия», переведенного с немецкой книги в 1534 г. придворным врачом великого князя Ивана III Николаем Булевым (см.: *Морозов Б. Н.* Травник из постельной казны Ивана Грозного (Харьковский травник 1534 г.) — новый памятник книжной мастерской митрополита Даниила: (Первые итоги изучения) // Археографический ежегодник за 2002 г. М., 2003. С. 85. Примеч. 35). Эту рукопись, переписанную, очевидно, непосредственно в Аптекарском приказе в Москве, в 1735 г. подарил своему родственнику келарь Макарьевского Желтоводского монастыря. Впоследствии она могла попасть к собиравшему книги Зубову.

¹³ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 4. СПб., 2004. С. 525.

¹⁴ *Леонид (Кавелин), архим.* Указ. соч. С. 11. Примеч. 1.

¹⁵ См.: Там же. С. 134–136.

¹⁶ Там же. С. 11.

¹⁷ *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи (с библиографическим указателем). Ч. 2. СПб., 1897. № 911, 1304.

¹⁸ *Леонид (Кавелин), архим.* Указ. соч. С. 35.

¹⁹ Там же. С. 25.

²⁰ Там же. С. 27.

Сказание об Успенском девичьем монастыре¹

(Л. 2) В лето 7150-го году во обители Рождества Пресвятыя Богородицы, иже на болоте, от Александровой слободы имея разстояние в десети поприща, строитель Лукиан², жилище имея в созданной от него обители, и с тою слободы Александровы той строитель Лукиан постриг прежде всех в начале у себя в Лукиановой пустыни из Александровой слободы троицкого священника Феодора вдовую попадью Анну и нарече имя ей Анисия. И в мале времени из тоя же слободы постриг вдовицу Феклу и нарече имя ей Феодора. И начаша жити те инокини у приходской церкви Рождества Христова в слободе³. И начаша мирстии людие блазнитися и на них роптати: «Почто си постригают не имущи монастыря?» И они о сем зело оскорбишася, и пришедше к отцу Ликийану, и начаша его молити: «Умилосердся, отче святыи, изыщи нам место тихое и безмолвное, идеже от мира удалитися». И отец Лукиан нача им пещися, идеже бы тем монахиням жилище имети, и обрете место (Л. 2 об.) Успения Пресвятыя Богородицы в Буграх⁴.

И той отец Лукиан поехал к Москве бити челом великому государю благоверному царю Алексею Михайловичю. И пожаловал великий государь царь свою царскую грамоту на две церкви к Успению Пресвятыя Богородицы или к Живоначальной Троице⁵. И умысли отец, яко прилично быти им Успения Пресвятыя Богородицы в Буграх. И тая церковь от разорения была пуста, и запорошена, и не освящена. И те старицы — Анисия и Феодора — святую церковь очистили, и иконы измыли, и все добро устроили.

Месяца апреллия в 15 день поселилися старицы у Успения Пресвятыя Богородицы и жилище имели в палатке под приделом чудотворца Николая, идеже ныне Марии Египетской. И отец Лукиан попросил благословения у святителя и поставил часовню близ монастыря при пустыни старицам на потребу. И та старица Анисия привеле на жертву Богу дочь свою Марфу семи лет сушу, в то же лето постриже ю во ангельский образ иеромонах Лукиан и нарече имя ей Мавра. В той неосвященной церкви тою же слободы постриже (Л. 3) вдовицу Екатерину и нарече имя ей Евпраксия, и бысть первая начальница во обители сей.

А к церковному пению ходили к Покрову Пресвятыя Богородицы, а пищу имели от своего рукоделия и от мирскаго подаяния. И повелел отец их не отверзати дверей, но в оконце милостыню приимати бесовскаго ради мечтания, понеже тогда они много подъяша страхования от диявола, овогда их за власы влачаше, иногда же камением меташе и сосуды опровергая, многда же и во образе человеческом являся. Отец же Лукиян посещаше малое свое стадце и поучаше их от Божественнаго Писания, повелевая им неисходными бытии из келий, токмо ради многаго уныния повелевая им приходити к себе в пустыню к Пресвятей Богородице помолитися и от печали утешитися. И собрася Богом собранное стадо, уже стало семь стариц. Тогда отец Лукиян повелевал им общую трапезу поставляти и все имение их обще бытии.

В то же время прилучися мимо ехать Александру Феодоровичю (Л. 3 об.) дворянину Боркову⁶ и приде посетити их, и подаде им милостыню, и возвести благоверной царице Марии Ильиничне⁷ о общем их жительстве. Благоверная же царица зело о сем возрадовася, благодарение воздаде Богу. И избраше едину из инокинь и послаше к Москве бити челом благоверному царю и великому князю Алексею Михайловичю и благоверной царице Марии Ильиничне, и пожаловала им благоверная царевна Ирина Михайловна⁸ 30 рублей денег на строение монастырское ходатайством Александра Феодоровича, а снесла с Верху те денги княжня Марфа Андреевна Шеховская и приказала тем старицам Бога молити за благоверную царицу Марию Ильиничну, понеже в то время во чреве имела благовернаго царевича Алексея Алексеевича⁹. И обещается благоверная царица ваш монастырь строить, аще Бог даст царевича, и вы того не ведаете, чем вас станет царица государыня жаловать. И привезши те денги, и построили ограду круг Успения Божия Матере, и две (Л. 4) кельи поставили.

Егда же услышаша радость велию, яко дарова нам Бог благовернаго царевича Алексея Алексеевича, и паки послаша дву стариц — Феодору и Марфу — к Москве бити челом благоверному царю и великому князю Алексею Михайловичю и благоверной царице и великой княгине Марии Ильиничне, чтобы им пожаловала ради всемирныя радости на церковное строение. И пожаловала государыня царица 40 рублей денег на церковное строение. И теми денгами иконы починили и церковь украсили.

По мале же времени прилучися Святейшему Патриарху Никону путешествовати. Егда ста против обители Успения Пресвятыя Богородицы, тогда к нему изыдоша старицы на благословение. Он же подаде им благословение и, зря на святую обитель, осенением благословляше и пророчески 3-жды возгласи: «Да будет сие место свято, и благословенно, и прославленно». И даде им милостыню: хлеб и 3 осетра рыбы, икры и масла. Отец же Лукиян попроси благословение у святителя и освяти церковь Успения Пресвятыя (Л. 4 об.) Богородицы на самы[й] праздник в моровой год¹⁰.

И после Божественныя литургии[и] изыде ис церкви и нача учение велие простирати, пророчески глаголаше о всем нынешнем жити[и], прорицая будущая, яко настоящее. Понеже отец Лукиян муж был свят и праведен, имел житие благочестивое и крепкое, пустынное и трудолюбезное, прежним святым

отцем последуя. И много глагола о сем своим монахиням, завещал, и плакал, и заклинал: «Аще кто разорит общину обоих обителей моих, разорит и его Господь Бог». И о сем глагола и пророчествуя: «От сего уразумеете, аще обрящу дерзновение у Господа Бога, егда по смерти моей прославятся сии обители мои и распространятся, и будут вас посещать великия люди, князи, и боляры, и благоверная царя, и будет у вас учитель благочестивы[й] и правоверный. И при том учителе обитель сия распространится и монахинь умножится, прославятся и вознесутся, но на малое время, понеже встанут мятежи многия». И ина многа (Л. 5) прорече. И поживе святы[й] отец 5 лет, устроив святую обитель сию, и преставися ко Господу месяца семтеврия в 9 день.

После же мороваго поветрия [слово «поветрие» заключено писцом в фигурные скобки.— Б. М.] году остася 6 стариц, и наместница бе у них прежде реченная Евпраксия. И посылает двух стариц — Феодору и Марфу — к Москве к великому государю бить челом о руге. И пожаловал государь на 25 стариц по рублю денег да по четверти ржи и овса ходатайством Феодора Михайловича Ртищева¹¹ да Александра Феодоровича Боркова. В то же время добились и малой землицы на капусту, что и прежде были успенския огороды. И начаше нанимать погодно себе иеромонаха Ефрема, и начаше старицы молити его, дабы им был пастырь духовный. И при том же отце Ефреме ходили старицы на посад и у благочестивых людей на просворы муки прошали на свою потребу. И всего жития общаго было дванадцать лет.

И по сем явились у них мятежницы и начаша разоряти общую их трапезу, и прежде собранная старицы отца Лукияна стали им запрещати и отеческую клятву возвещали. И они не восхотели послушати их, но что было собрано (Л. 5 об.) обще, и то все по себе разделили и по келиям начаша ясти. А прежде реченная наместница Евпраксия преставися вскоре после мору. И избравше им игуменью с Москвы из монастыря Алексеевского¹² старицу Евфимию, и поживе 3 лета, и составили ея за неистовое житие. И потом была игуменья Иулита.

Отец же их Ефрем поживе с ними 7 лет и преставися ко Господу, а церковной же красоты при нем ничего не было. Егда утреннюю поя, тогда Псалтырь и стоит сам чтяше и канона воспевая, егда же служа литургию, тогда един сам совершаше, а иногда певца нанимали. Понеже в обители не было ученых Божественнаго Писания, но едина старица Екатерина мало во псалмех помогаше, и тако житие свое исправляху.

Приспе же слово о отце Корнилии. Отец же Корнилий рождение имея близ царствующаго града Москвы в Троицкой слободе¹³. Отца имея именем Игнатия, художеством купец бе, и матере Евдокеи. Егда же родиша сего отрока и нарекоша имя его во святом крещении Козьма. И вдаша его в научение грамоте, он же изучи вся вскоре, детским же играм не прилеплялися, (Л. 6) но желаше иноческаго и пустынного жития. И егда же доиде 23-х лет, и прииде в Чюдов монастырь¹⁴, и прият на ся ангельский образ. И поживе ту 5 лет, и поиде в пустыню во Флорищеву¹⁵, и тамо пребываше, и на крылосе поя, в трудех монастырских проходя в посте и в молитве, день и ночь Богу работая. И многая от бесов страхования подъят: и явю в чловечи образе

показовахуся, и силою крестною безвести сие творяше. И отгуду изыде, дая место гневу, понеже начальник на него нача ненависть имети, что братия его велми любляху смирения ради и учения. Сам сия нам поведа про себе. И Богом наставляем, прииде жити в Лукиянову пустыню. И видяше братие его доброе житие, и начаша его молити, дабы восприял священнически[й] чин, и едва умолиша его. Егда восприят священнически[й] сан и бысть им пастырь, уча и наказуя добре словесное свое стадо. И прихождаше в Александрову слободу потреб ради монастырских, и часто в Успенском монастыре инокинь посещаше и милостыню им подавая.

В лето 7170 (1661/62) года и по Божию изволению старец Феофан привезе от царствующего града Москвы (Л. 6 об.) две старицы — Пелагею и Наталию — во обитель Пресвятыя Богородицы Успения, что в Александрове слободе, и повеле им ту до времени пребывати, дондеже обрящет место тихое и безмолвное на спасение души, они же ту пребывающе.

И мале времени идоша в Лукиянову пустыню Пресвятей Богородицы помолитися и от о[т]ца Корнилия благословение принять. Егда же приидоша в монастырь Пресвятей Богородицы, тогда строитель, иеромонах Корнилий, сретае их с двема старицема и благословение им подавает с радостию, зане и преже того времени знаяше их. Они же помолившися Пресвятей Богородице, дабы наставила их на место тихое и безмолвное. Пастырь же добрый приемлет их в келию, и учреждает им трапезу духовную, потом же и телесную, и вопрошает их: «Коя ради вины оставили есте царствующи[й] град Москву и пречестную обитель боголепнаго Вознесения?» Они же ему откровенно поведают, яко ни изгнани ради ниже беды душевныя или телесныя, но и за самую любовь Христову желаем обрести место тихое и безмятежное, идеже Бог наставит. Тогда же добрый пастырь, Богом наставляем, предлагает им свой совет: «Аще волите послушати мя, пребывайте во обители Пресвятей Богородицы (Л. 7) Успения, и аз буду о вас попечение творити с монахом Феофаном». Они же, видевше доброразсуднаго пастыря, совет прияша с любовью и оттоле начаша пребывати во святей обители той, у игуменьи Иулиты, в келии, со благоговением и кротостию, терпяще всякую нужду телесную, хлеб со овсом ядяше и щи лебядныя варяше, поношение же и укорение от всех терпяше, понеже они в той обители ни от кого же знаеми суть.

Старицы же обители той сумняхуся и глаголаху между собою тайно: «Како сии оставльше такую пречестную обитель и во убогое сие место приидоша?» Отец же Корнилий, зря в них смущение, глаголет им: «Приимите сих старец, не смущайтесь, аз бо испоручаюся за них, яко не от нужды, ниже от беды некия, но за самую любовь Христову в сие в скудное место приидоша, хотяще от Бога небесное богатство прияти». Но обаче же и о сем сумняхуся, зря едину от них, на всяком месте зело плачущу, инии же от них с кротостию вопрошаху: «Что толико плачеша и что есть безмерная печаль твоя, скажи нам?» Она же крепляшася и отвещаваше им: «Ничтоже имам, обаче же горкия печали не возможе утолити (Л. 7 об.) в сердцах своем», — наипаче слезами обливашася.

Послежде поведа им, яко имам две дочки мале сущи, едину о 11 лет, другую же о 8 лет, третию же, аще и не родила плотию, но духом тако же болю.

Обаче за любовь Господа моего Иисуса Христа оставих их у далной сроднице моей. Егда же воспомяну их разлучение, и горкое рыдатеи припадывание к ногам моим, и глаголаше мне: «Мати наша любезная, радость и утешение наше, кому нас, бедных сироток, оставляеши?». И слезныя источники от очей их непрестанно текуще, и едва разлучившеся от мене, еле живы суще, тогда сердце мое зелною печалию обмирает и источники слезныя истекают. Наипаче же молю о сем Господа моего Иисуса Христа, чтобы их наставил на путь спасения. Той же добры[й] пастырь приемлет оныя две старицы во свою паству и бысть им наставник духовный.

Посем же той пастырь оставляет свою обитель, якоже желает елень на источники водная, сице желаше душа его от юности пустынного жительства и со святыми отцы пребывание имети. Иде во внутреннюю пустыню и многия пустынные места обхождаше, и святые отцы посещаше, но некая сила Божия влечаше его возвратитися во свою (Л. 8) обитель. Егда же прииде, тогда братия его приемлют с великою радостию, и Божия церковь паки приемлет свое благолепие. И народи начаша паки стекатися во святую церковь слышати слово Божие от уст его медоточных.

Странная же оныя старицы зело возрадовашася, слышаще приход добраго пастыря и духовнаго наставника. Он же паки их посящаше и попечение об них творя душевное и телесное. Они же пребываху благодаряще Бога, токмо едину печаль имеху, что во святой церкви скудость велия и несть поющих. Зело же было скудно в церкви: риз токмо четыре обычные да стихарь един. И келей было в то время 9, десятая крестовая, а сени у иных бревенчатая, а у иных от хвастия исплетеныя. Игумения же Иулита в крестовой живяше, летом в церкви пояху, а зимою в крестовой же. Утеснения ради малыя девочки на печи стояху с Чесословцы, тихим гласом учахуся. Старицы же питахуся от своего рукоделия, благодаряще Бога, с радостию живяху, числом же их бяху 18-ть. Службы же не было во святой церкви, токмо наймоваху священника по праздникам, а иногда в собор¹⁶ хождаху или у Троицы.

Божиим же изволением монах (Л. 8 об.) Феофан привезе с Москвы и трех дочерей преждевспомянутой старицы Пелагеи. И по мале времени постриже их отец Корнилий и нарече имяна: Варсанофии, и Таиси[и], и Евфимии, бяху бо научена от Божественнаго Писания еще суще на Москве. И начаша пети на крылосе всю службу церковную, с ними же и преждевспомянутая старица Наталия каноны и псалмы поя. По мале же времени той же старец Феофан привезе ис Переславля преждевспомянутую старицу Анисию со дщерию, понеже исходила ради гонения от обители сея. Бяше бо дщерь ея научена грамоте, и та нача на крылосе пети, иногда же и сама Анисия помогаше.

Пришедшу же Филипову посту, игумения же Улита совет сотвори с сестрами, како бы им умолити отца Корнилия, дабы им был пастырем. Егда же при[е]хал отец Корнилий на посещение и пришед к вечерни в крестовую, по вечернем же пении игумения с сестрами приходят ко отцу Корнилию, и падают пред ногами его, и молят, дабы им учинился пастырем. Той же доброразсудный пастырь мало отрицався, (Л. 9) яко искушая их, но зря веру их и непреклонное моление, припоминает им Христово речение: «Яко грядущаго ко

Мне не изжenu вон»; приемлет их во свою паству духовную и возлагает на ся тяготу пастырскую, припомяная Христово речение: «Аще погубиши едину от овец Моих, кровь ея от руки твоея взыщу», и отвещание на суде: «Се аз, Господи, и дети мои». И начат зело скорбети, яко толикою тяготою обложися, ибо два монастыря содержаше, во обители своей живяше, а новоприведенную свою паству из недели в неделю посещаше и предлагая им пищу духовную, и паки возвращашеся во свою обитель.

Того же лета во святую Четыредесятницу, в некоторый день, тогожде монастыря старица именем Марфа прииде на посещение преждевспомянутой странной старицы Пелагеи и глаголаху о пользе душевной, дойде же слово и до сего. И вопрошает старица Пелагия пришедшей старицы: «Како у вас община была и како разорилася?» Она же поведа ей все по ряду. Старица же Пелагия глагола ей: «Зело желает душа моя общего жительствова». Она же глагола ей: «Ни, сестро моя, не желай сего, общее бо житие мятежно есть, ты сего не знаеш, а мы (Л. 9 об.) знаем, у нас то было». Дойде же слово сие и отца Корнилия. Он же, призвав особь старицу Пелагию, глаголет ей: «Почто ты смущаеши сестры, чего они не изволяют? Ты не на устав пришла еси, но поминай свое исхождение и живи смирением, и будет ти во спасение». Она же падше пред ноги его и прощения просяще: «Прости мя, господине отче, кто есмь аз, грешная и странная, толикое сие дело сотворити! Аз не к созиданию общаго жития сия глаголала, но вопрошая ея о первом их жительстве, и от простоты души своя поведала ей желание свое».

Помале же времени приехал отец Корнилий на посещение своего стада и прииде в келию преждевспомянутой старицы Анисии. И прииде же ту старица Пелагия с своими келейными и старица Феодора с своими келейными же ко отцу Корнилию на благословение. Отец же глагола им: «Хочу вам некий образ изъяснити». Они же реша ему: «Пожалуй, господине отче, яви нам, и мы с радостию послушаем». Тогда глагола им отец Корнилий: «Мню, что от Божия воли прииде ми мысль сицева: хочу учинити у вас общее жительство, но не всем, токмо трем келиям, ради испытания, како будете жити». Они же с радостию слово приемше и глаголаху: «Отче святой! Буди воля Божия и твоя».

Отец же Корнилий нача метати жреби[й] на старицу прежде (Л. 10) реченную Анисию ис той же Александровы слободы. Отец же Корнилий прежде всех приемлет во свою паству девицу Анисию, и постриже ея во ангельский образ, и нарече имя ей Анфиса. А другую девицу — Елену, дочь преждевспомянутой старицы Пелагии, и постриже ю, и нарече имя ей Ефимия. И даде обеих на послужение и во общую потребу под начало старице Анисии. И потом избра казначею — преждевспомянутую старицу Наталию. И совокупиша все имение свое во едино, и предложиша трапезу, и собрашася вси числом 12 седоша за уготованную трапезу. Отец же Корнилий с радостию благослове трапезу и седе с ними. Дщери же преждевспомянутой старицы Пелагии, от него постриженной, именем Варсонофии, повелевает Жертвенник чести; келарь же пищу поставляет. По обеде же благодарение воздаша Богу. Отец Корнили[й] начат трех крилошенок петь учить: Марфу, Варсонофию и Таисию преждереченных.

Игуменья же Улита отъиде ко Господу, старицы же избраша себе игумению — вышереченную Анисию¹⁷, вместо же ея в келари — старицу Феодору. Начаша же христолюбцы приходити в дом Божия Матери молитися и милостыню подавати, пачеже во общее житие.

(Л. 10 об.) В то же время приидоша два брата от царствующаго града Москвы, един Кирил, а другой Митрофан, Божии Матери помолитися и принесоша милостыню довольну во общее житие. Старец же Феофан прият их с радостию, приведе в келию к преждереченной старице Пелагии. Она же нача им служити со страхом и благоговением, нозе их умывати. Они же от страха начаша трепетати и лице свое слезами омывати. И не возмогоша взяти обуви своей, но босыми ногами возвратишася к Москве. И оттоле начаша любовь велию имети ко обители сей и по силе своей всякия потребности давати.

Един же некто от христиан именем Артеми[й] даде во общину корову на питание монахиням, до сего же не бывало ни малой какой животины. И по сем начали христианския дщери в монастырь приходити и с собою приводити коровы вкладу. А иногда христолюбцы и с Москвы начали присылать. И от сего умножалася во святой обители сей.

Тогожде лета отец Корнилий приехал с Москвы, глагола старицам: «Слышал я от благодетелей, что великий государь глаголетъ: “Аще ли вси пойдут во общину, тогда велю и ругу дать, аще ли же не пойдут, то ничего не велю давать”». Тогда услышаша старцы, (Л. 11) зело воскорбеша и начаша глаголати: «Аще же по-прежнему будет у нас, то зело мятежно». Тогда отец Корнилий глагола им: «Не скорбите о сем и не противтесе царскому повелению, не будете ничем скудны. Бог вас не оставит, яко же Христос глаголетъ: “Аще соберутся во имя Мое два или три, ту есмь Аз посреде их”. Или пророк глаголетъ: “Се коль добро или коль красно, но еже жити брати вкупе”. И великий государь вас не оставит, и благодетели Феодор Михайлович и Анна Михайловна¹⁸ и будут за вас и заступать великому государю и благоверной царице. Послушайте, Господа ради, соберитесь вси во общее жительство и снесите все имение ваше вкупе, и Бог да будет с вами, и государская милость, и святительское благословение, и мое грешное, аще востребуете».

Они же начаша все имение свое приносить и пред ногама пастырскимя полагати. Он же глагола им: «Не утаите Господа ради, да не постраждете, яко Анания и Сапфира». Старец же Феофан приношение их записываше, в казну отдаваху денги, а сосуды и снадная в келарскую отношаху.

Едина же от них старица, именем Варвара, от бесовска запинания мало сребра утаи (Л. 11 об.) и вложи в лапаты, и скры в сокровенно место. Странная же она старица Пелагия моляше ея: «Пожалуй, не утай Господа ради, сестро, аще что у себе имаши, отдаждь во общую потребу». Она же умилися и отдаде все, что имея.

Другая же старица, именем Евдокия, не хотя итти во общину детей ради и зело скорбяше. Пастырь же добры[й] и сию отвеша и устро[й] ея в чашници и со иными, поданным ей в помощь, квас строити и сестрам раздавати. И служит она с радостию и до сего дни и со двумя дщерьма своимя, третья же на крылосе трудится.

И нача отец Корнилий службы уставляти: келаря учини преждереченную старицу Феодору и две служебницы, что было в малой общине, а службы были вси в единой келии — в прежней крестовой.

Утешения же ради стали петь у игуменьи Анисии в келии. И уготоваша трапезу на самый праздник Рождества Христова, и седоша вси за общую трапезу числом 28-м. И положи отец им клятву, что в келлиях не варити и ни печи ничего, кроме келарской. А в кандию не били, не было во что. А отцу Корнилию тут же уготована была трапеза особная, когда приедет на посещение.

И начаша вси (Л. 12) обще трудитися и с любовию жити, благодаря Бога. Воду же от реки сам ношаху на свою потребу. Некто христоролюбивый дворянин Иов Демидовичь Голохвастов¹⁹, зря их труждающихся зело, умилися и даде им едино ослия на потребу монастырскую. Преждереченная же старица Анфиса то ослия пасяше и воду на нем возяше.

Тогда отец начат обучати стадо свое, яко рыбарь мудрый. Егда вметает удицу в море, и имет великую рыбу, и ощутит, яко биется, не абие напрасно влечет ю, зане прерывается вервь и до конца погубит ю, но подавает ей угодно вервь и оставляет ее идти, аможе хошет. И егда увидит, яко изнеможе и преста от стремления своего, тогда начинает паки влещи ю. Тако и пастырь добрый начат их отлучати от сродник своих, дабы не ходили во дворы их, ниже они к ним в келии. Но не вскоре, ниже яростию, но тихостию, уставляя им время, чрез три седмицы отпушая их, ово же чрез шесть. Иногда уже слышит кого при смерти боляща, отпускает их проститися, дабы не оскорбилися печалию великою. Видит бо их, яко не могут сего понести, что отрещися любви плотской всеконечно, повелевает сродникам их приходити в монастырь, и входити в крестовую, и ту довольно (Л. 12 об.) сидети с ними. Мужски[й] же пол токмо у врат на монастыре свидаются, и то недолгое время.

Пастырь же благоразумны[й] видит свое стадо унывающо, подавая им малое утешение, отпускает их в Лукьянову пустыню в дом Пресвятыя Богородицы помолитися или в воскресная дни отпускает их со игуменьею или со старейшими старицами погулять и мало утешитися от уныния в тихое место: в поле или близ реки, идеже несть людскаго пути. В воскресныя же дни множество прихождаху народа к Пресвятой Богородице помолитися и от учителя слышати слово Божие.

По мале же времени по Божию изволению и ходатайством Феодора Михайловича и Анны Михайловны Ртицевых пожаловала им царица государыня и великая княгиня Мария Ильинична 4 скатерти да 17 шуб барановых, а привез Алексей Тимофеевич Лихачев²⁰. Тогда старицы благодарение Богу воздающе о таких великих дарех Божиих.

По мале же времени ходатайством Феодора Михайловича и Анны Михайловны пожаловал государь царь и великий князь Алексей Михайлович царские хоромы, что поставлены были у Троицы, инокиням на келии. И повелел государь (Л. 13) с миру христианом ставити у Живоначальной Троицы, и поставили 7 келей.

И по мале же паки великий государь указал старого монастыря прибавить. И кельи сломали, и начали християне под кельи место разчищати. Отец же

Корнилий и сам нача трудитися — и с старицами горы копати, и ямы засыпати, и место равняти. Егда в день християне работаху и егда они к вечеру разходятся, тогда приходит отец Корнилий и ударяет в доску, и слышат словесныя овцы глас пастыря своего, быстро текуще — старые с лопатами, а юные с ломами, а малые дети с ночвами бегущие. Пастырь же добры[й] вкруг обхождаше и всех обзираше. И егда же кто от них не обретаеся, ту тогда посылает вопрошати: «Чесо ради закосне?» Аще ли за немощь, то оставляше, аще ли за леность, то в горб подаваше, а иногда жезлом погоняше. Они же сошедшеся, ношаху камение, аще ли велико и неудобносно, тогда отец им и сам помогаше, и трудятся до утрени. Отец же и старицы в келию идут, а малых деток спать посылают. Отпевши же утрению, на покой отходят. Дню же приспевшу, рукоделие келейное строят. В то же время к строению был приставлен (Л. 13 об.) Иван Васильевич Герасимов, говорил он: «Отче святыи, у меня днем 100 человек столко не сделают, сколько ты нощию с старицами».

Егда же поставиша келии, тогда старицы начаша остальные бревна носити, ово числом, а егда же велико, неудобь носимо, тогда яко пчелы обливаху. Естли не одолеют, тогда отец и сам помогаше им. Егда же устроишася совсем келии, тогда мастера начаша печи обращать делати, в малые же дни и распалися. Начаша же старицы сами печи делати, Анисия, и Анфиса, и преждедереченная чашница Евдокия, и иныя с ними: ови же глину мнут, малые же дети песок подавали и глину носили. Отец же Корнилий, яко добры[й] пастырь, с ними пребывая и везде надзирая, научая их како делати, и чтобы с молитвою и с молчанием трудилися.

Поставиша же крестовую и келарскую ис тех царских хором. Отец же Корнилий нача всии службы разводити: первее устрои казенную и постави в казначей преждедереченную старицу Пелагию. Егда же кому что надобно, ризы, или обуви, или ино что потребное, тогда новое повеле давати. А у кого изобилно, ветхое в казну отдает. Егда же кому от сродник кто или от знаемых ризу понесет или ино что, тогда отец повелевает принять, токмо (Л. 14) за благословением. Егда же денги, тогда малую часть ей уделяет, немощи ради, калач купить или ягод и мыла, прочия же в казну отдает на сохранение. Егда же то изойдет, тогда паки возьмет малую часть у казначей.

А казенных денег заповеда отец в начале общаго жития по рукам никому отнюдь не давати, токмо крылошенкам за утешение, егда богомольцем молебен поют и богомольцы дадут единым крылошанкам. А что на милостыню дадут всем, то в казну отдает. Аще богомолцы и благодетели изволят за утешение, и они стихи воспевают, тогда дают им денги за пение, и отец благословляя их по малой части взяти на калачи и на протчую нужду, останныя же денги в казну повелевают отдать. Егда же изойдет, тогда еклисиарх приходит к казначее и возьмет тех же молебных денег и роздает по малой части крылошенкам.

В некое же время приехали христороубцы с Москвы — Козьма, Борис, Иван Агапитовы гостиной сотни — помолитися и даша на молебен крылошенкам три рубли денег. Едина же крылошенка, именем Макрина, раздели крылошенкам денги, головчицам по пяти алтын, а инешим по четыре алтына. Пастырь же

добры[й], уведав (Л. 14 об.) сию вещь, зело разгневался, посылает ту же крылошенку по келлиям: «Собери у них денги и отдай в казну». И глагола им: «Нелепо есть вам во общем жити[и] бытии, а много у себе денег имети. И то вам попускаю малую часть за немощь вашу, чтобы вы с радостию благодаряще Бога жили и неисходно пребывали». И оттоле нача сам крылошенкам денги делить.

Сам же отец в хлебне учаше округ строити и хлебы пещи. В той же келарской и снедь варили, и трапезу поставляли, и в кандею били. Такжеже и сушенную службу устрои; старая же крестовая и киларская [Так в тексте.— Б. М.] начаша в единой квас варити, а в другой млеко строити. Такжеже и швальню устрои, кроить же и шить сам отец учаше, и шубна шияше; житенную, чернилную²¹, сапожную — все сам учаше и устраиваша. Едина же от стариц Анисия пешница фонари и оконницы делаше, и скамейки, и инья вещи. Устрои же и болницу немощных ради, и пристави старицу Иринарху, и даде ей 4 юных стариц на послужение: от келарской им пищу приносить, и свиты их измывати, и всякую потребу их исполняти. И приказал псаломщицам от простых стариц вместо утрени дванадесят псалмов поют. Правило же по уставу, и часы по вся дни, и Псалтырь по две кафизмы поют.

Отец же по вся недели (Л. 15) посещаше, паче же в тые дни, егда сам святую литургию служаше, благословение им подает, и от Божественнаго Писания утешает, воспоминает им Христово страдание, и Божия Матере милосердие и чудеса, и до больных посещение. Тогда они, сия слышаху от него душеполезное учение, зело веселяхуся, егда же от них исходит, тогда с честью его провождают до врат.

Егда кто тяжкою болезнию одержим бывает, тогда священник в болницу приходит и Святое Тело и Кровь Христову подает, и напреди его идут клирики и поют: «Вечери Твоя тайныя». Также свещеносицы две пред ним идут, а священника приемлют старейшия старицы благоговейнея и ведут его, тогда звон бывает. Из болницы же идущее поют «Царь Небесны[й]» или «Видя разбойник».

А егда кто отходит ко Господу, тогда сам отец над нею отходную говорит, сам же и погребает. И егда несут из трапезы мертвую, и бывает звон, впереди идут клирики и поют «Святый Боже», и несут крест, и две свещеносицы, и отец за ними идет пред гробом. И погребши, возвращаются в трапезу, и идучи поют: «Со духи праведными». (Л. 15 об.) Отец же полагает 12 поклонов, такжеже и старицы вси с ним, и приказывает всем за умершую во всю Четырдесятницу каноны воспевать, а кто не умеет, то поклоны полагает, и в синодик вписывает²², и по суботам всех умерших инокинь поминает.

Егда же на утрени стоят, тогда добрый пастырь, ако орел острожительны[й] [так в тексте.— Б. М.], обглядает всех. Кто стоит благоговейно и добро, того минует, яко видит дремлюща — возбуждает и жезлом во главу ударяет. Егда же отец с клирики воспевает 9-ю песнь, или «Слава в вышних», или ино что изволит, тогда вси одержимы радостию, и старья трясущееся и жезлом подпирающееся, — вси воспевали и хвалу Богу воздавали. И всю службу церковную с лучиною совершали.

И изволением Божиим, и заступлением Пресвятыя Богородицы, и ходатайством прежних благодетелей пожаловала государыня царица Мария Ильинична велела вскоре трапезу строити каменную. И начаша делати мастеры государевы: в день они работают, а нощию отец Корнили[й] на каменное дело сам восхождаше, старицы же на трапезу кирпичи ношаху. Егда же совершился трапеза, тогда старицы сами начаша ея вычищати, и песок и мост мостити, и под трапезою сами печи делати. Малыя дети глину мяли, а старыя и средния носили и делали. (Л. 16) Отец же Корнили[й] с жезлом обходя и понуждая их. И зело много трудихомся: стены пробивали, и камене ломали, и вся потребная сами совершали. И много от великих трудов болезни прияша, и инии же надсадишася и помроша.

Сами же и дрова секоша в службы и по келлиям, но нечем было и дрова сещи. И пожаловала нам государыня царица прислала 17 топоров ходатайством Анны Михайловны, и даша всем в келии по топору. Отец же их учаше и дрова сещи. Сами же и в огороде гряды копаху, и навоз ношаху, и все строяху.

Старец Феофан нача непрестанно в путь шествовати, потреб ради монастырских, и призовя овцы старыя, средния и малыя. Пастырь же добрый виде свое стадо умножающееся и нача непрестанно учити. В руках же своих жезл носити, устнама же непрестанно учаше день и ношь; глупых же иногда жезлом посещаше, но велию и милость подаваше.

Поучение же было на литургиях, по часех, и по вечерни, и на правиле, егда квас пьют, и отходит на покой. Келия же его у святых врат стояла. И повеле игумения преждереченной старице Пелагии ему служити, пищу приносить и вся потребная строити, свиты же на него отдавала воротницам мыть и прочим.

По мале же времени (Л. 16 об.) вооружи на него диавол братию, нача роптати: «Не добро се будет, что и свою обитель оставил, о другой же печется. К нашей бо церкви и поставлен в священники и в строители учинен, а тамо живет без святительскаго благословения». И начаша отца Корнилия злословити при благодетелех, и везде поносить, и нелепая на него глаголати.

Егда же услыша сие игумения Анисия с сестрами, и взя с собою две старицы, и поехала к Москве. И моли Феодора Михайловича Ртищева, дабы испросил у святителя грамоты. Он же, видев моления их, испроси благословение у святителя и грамоту выправил, что жить ему в сей обители. И дает им грамоту. Они же, получивши желаемое, возвратишася во свою обитель и от того времени нача жити в сей обители, в Лукьянову же пустыню ездили из недели в неделю.

По мале же времени повелели ему двор строити близ монастыря, идеже и ныне стоит. Егда же состроиша, тогда отец Корнилий с крылошенками молебен пел в новом своем дворе, и у него в хоромех обедали. И прият к себе келейника из пустыни, именем Исихия, благоговейна старца и свидетельствована, и начат с ним жити, и вся потребная ему слуговати. Той же старец начат трудитися, и на монастырь всякия вещи делати, (Л. 17) и на торг ходити, и все потребности монастырския покупати. Егда же приходит на монастырь, стоит у ворот, и что надобе купить, то все воротница приказывает, а ин никто

же смеяше приходить к нему. Аще что кому случится купить, то воротнице бьют челом, она же ему приказывает. А до него ходила старица, именем Ираида, на торг покупати потребы монастырския.

Отец же Корнилий нача временно на монастырь приходити в келию у врат, идеже прежде жил, и кому что случится дел или какая нужда телесная, то прихождаху к нему под оконце и бьют челом о своих потребах. Он же исполняет их вся прошения. Иногда же и вси стекахуся к нему, пастырь же добры[й] исходит к ним на крыльцо и учит от Божественнаго Писания, и вси слушают с радостию, ови стояще, и ини же на земли при ногу его сидяще.

Старец же Феофан нача непрестанно пищу возити и у благочестивых людей просити, и даяху ему, ове мало, ове же много, и всякие сосуды потребные во общее жительство. В путном же шестви[и] всякую нужду терпяше: в лете — зной, в зиме же — мраз, но все Бога ради подъемля. И много собираще различная овцы, овы от грады, овы же и с пути, иные же из самых уст адовых исхищая, яко пастырь добры[й], всячески тщася, како бы исхитити (Л. 17 об.) от лютаго волка. Егда же получит, везет ю с радостию и не чует никакой болезни: аще снегом завеваем и дождем обливаем, ноги о камня пребывая. И многога ради хождения пот его, яко кровь, капляше, но сия вся забыв, борзо с радостию течаше и овцу влечаше ко отцу своему. Пастырь же благий приемлет и видит овцу новоприведенную, часто словом Божиим наказуя со смирением и со многим милосердием. Егда же видит овцу жестоку и не кротку, тогда много и жезлом бьет, дабы укротилося, и много слез об них проливая. И тако его молитвами бывает смирна и кротка.

Видя же сие диавол, зело разъярися и нача гневаться и всякия же споны творити: во сне велие страхование, яве же — ово мышию приползая к ногам, ногу грызаше, иногда же келию обходя и в стены бияше. Иногда же летом ехал отец из Лукияновой обители во свою обитель, егда же въехал в лес, внезапно воста буря велия и клабук з главы его снесе, и власы главныя восташа, и осля паде под ним. Плоть его вострепета, и слышит из лесу глас человекь, а никого же не виде: «О, зли[й] калугере! Аз буду на тебе непрестанно (Л. 18) ратовати, дондеже побегну ты, понеже многия моя сосуды восхитил еси». Он же от страха едва в себе пришед, и оградився крестным знамением, и став на молитву на мног час. И подняв осля и клабук сыскав, всед на осля и поехал в путь свой, и приехав, сам сия нам поведа.

По мале же времени виде диявол, яко невозможе сам победити, нача вооружати злыя человеки. Некогда же убо отцу Корнилию рыбу ловящу и от езера едущу ко обители сеи, злии уби[й]цы искочиша из леса и похватиша осля за узду, начаша отца Корнилия палицею бити. Егда же ударяше осля, тогда исторгнуся из рук их и унеся отца паки на озеро, токмо остана един клабук на пути. Они же поскрежеташе зубы своими и глаголаше: «Утече от рук наших, мы бо на то изыдохом, что его до смерти убити». Много же и ина зла пострадала, и иные же огнем сожещи хотяше, поношение и укору терпя. Он же сия вся ни во что же вменив, но поминая Господне речение: «Аще погубиши едину от овец Моих, кровь ея от руки твоя взыщу». И о сем зело печалуя и великия слезы проливая, душевне и телесне им промышляя.

В то же время много странных прихождаху к Пресвятей Богородице молитися. Пастырь же добры[й] повелевая игумении странником трапезу учредить и после трапезы ноги умыть. Игуменья же с двема старицами приступает со страхом и благоговением. Едина (Л. 18 об.) старица сосуд с водою держащи, другая же лахань, игуменья же ноги омываше и лентием отираше. И тою водою сестры лице свое кропляху.

Старец же Феофан, егда вхождаше в монастырь и обретоша у врат нищаго, тогда его с радостию введе в монастырь и повелевает накормить и напоить. Аще и во время трапезы, егда сестры вкушают, тогда глаголет игумении: «Дажь место Христу, ты сидя на нижнем месте». Тогда игуменья встает скоро, и посаждает нищаго на своем месте, и по трапезе с честью его отпускает.

Егда же устроиша все в трапезе, и ту начаша пети. Тогда отец же Корнилий на крылосе с крылошенками сам пояше, и на литургии Апостол читал, и антидор сам раздавал, и псалом говорил: «Благословлю Господа». В праздники и воскресныя дни после литургии поучении читал многожды и в простыя дни и по часех, когда литургии не бывает, на вечерне же кафизму говорил, на повечерни икосы и каноны. Егда же квас пьют, тогда с клирики стихи воспевая, на утрени же ексапсалмы сам говорил и статью читал. На Рождество Христово, и в Великую Суботу, и в праздники, и в полиелеос паремии сам читал. И во всю Четыредесятницу по вся дни на утреннии и на часех, на третьем и на девятом, и на месте своем руце воздевал и чад своих учил, паче же на Страстной недели. На Святую же Пасху артус²³ сам ношаше в трапезу, и по обеде [так в тексте.— Б. М.] паки прихождаше и во святы[й] алтарь поставляше. На Светлой же недели сам отец во облачени[и] (Л. 19) со всем собором вокруг обители со кресты хождаше, а клирики пред ним идут и поют канон: «Воскресения день». Игуменья же с сестрами за ними последуя, мирьсти же народи себе стороною идут с благословением.

Сам же отец четырежды в году по келиям со крестом и со святою водою ходил на Светлой недели, а клирики поют на Происхождение честнаго Креста. На Рожество же Христово крылошенки ходили к нему на двор Христа славить, он же возьмет у казначеи рубль денег и дает им за утешение. И на святое Богоявление, и по всем службам в Господския праздники, и в воскресныя дни панагия бывает. А в простыя же дни токмо глаголем: «Вознесу тя, Боже мой».

Во святей же церкви стояние тихое и безмолвное, наипаче же во время святыя литургии. В летнее же время бывает литургия в 4-м часу дни, воскресная вечерня за полпята часа до вечера, утренняя за 5 часов. В Господския праздники всенощная за 6 часов, в простыя же дни вечерни за 4 часа, утренняя за 3 часа. В зимное же время, в Господския праздники всенощная за 7-мь часов, в неделные же дни утренняя за 4 и 5 часов, в простыя же дни утренняя за 4 часа, вечерня во отдачу часов, а литургия в 2 часа дня. Правило церковное в 4-м часу нощи: два канона Иисусу, и Богородице, и ангелу переменяючи, по прилучаю и трети[й] канон бывает. В Господские праздники (Л. 19 об.) 6 статей, в воскресныя дни четыре, в полиелеос 3, в простые же дни две. Во святою четыредесятницу по 3 статьи на утрени, часы с расходом; на 3-м часе статья и на 9-м часе. Пастырь же добры[й] в Господския праздники и в воскресныя

дни сам святую литургию служаше. Егда же изнеможе, тогда токмо на Свя-
тую Пасху, и на Рождество Христово, и на Успение Пресвятыя Богородицы.

В Господския же праздники и в воскресныя дни народи прихождаху во святую церковь. Мужеский пол вхождаху в сторонния двери и стояли в пре-
деле за завесою, а которыя честныя и искусные люди, стояли в трапезе у пра-
ваго столба, и отец с ними или где изволит. Женский же пол стояли в трапезе
у леваго столба, а которыя честныя и искусныя, стояли за правым столбом,
а во время святыя литургии — на левой стране у церковнаго окошка. А егда
богомольцы молебен поют, тогда в церкви на левой стране стоят, клирицы же —
на правой. А егда собором молебен поют, тогда духовник во облачении со свя-
щенником и на сходе с клирики поют. И на святое же Богоявление, и на Про-
исхождение честнаго Креста сам отец во облачении со всем собором ходил на
пруд воду святить. А клирики наперед и поют стихеры: «Глас Господень»;
назад идучи поют: «Днесь тварь просвещается». И емлют воды в дельву и при-
возят на монастырь, и старицы (Л. 20) емлют по келлиям на освящение.

А в Великую Суботу плащаницу сам ношаше, а после литургии сам пас-
тырь добрый благословяше трапезу Богом собранному своему стаду. Клири-
цы же достойную честь воздающе пастырю своему, поминающе сие слово, яко
аще бы и всего мира богатство положить пред ноги его, но ничтоже суть про-
тиву ответу его, еже на Страшнем Суде, провождающе его до врат монастыр-
ских и поклоншеся до земли, паки обращахуся на трапезу за свой стол кры-
лоской. Игумения же сидяще со благоговением и со страхом Божиим за
трапезою с схимницами, потом же в среднем образе и в малом, девицы же
за столом сидяще. Едина же от клирик Жертвенник читаше, а вси послушаше
со страхом Божиим.

Пища же предлагается на трапезе: в воскресныя дни по три, по прилучию
же и четвертая бывает; в простыя же дни по две пищи, по прилучию и третья
бывает. В Петров пост и в Филипов — вторник и четверток две трапезы по-
ставляются. В сыропустныя же дни, в понедельник, во вторник, в четверток —
по две, в среду же и пяток — по единой трапезе. Егда же бывает праздник, то-
гда в среду и в пяток две трапезы, пища же по уставу.

По отъядени[и] же игумения (Л. 20 об.) ударяет в кандию 3-ж, келарь же
возглашает: «За молитв [так в тексте. — Б. М.] Пречистыя», весь до конца, кли-
рицы: «Благословен Бог», и прочая, и за царя 12 поклонов. Потом же игуме-
ния единоголосно возглашает с клириками: «Бог да спасет и помилует послу-
живших нам». И благодаря Бога, отходя во своя келия, и едина от них, кийждо
из своей келии, взявше сосуд и молитву сотворше, благословляется у келей-
ной начальницы, и возьмут квас от погреба.

И в келлиях, аще начинают всякое дело, с молитвою и з благословением
у келейной начальницы, или куды отходят. Такжеже, аще начальник изволит
которую старицу привести от келии в келию, или от службы в службу, тогда
отец Корнилий или игумения приглашает к себе будильницу. Она же, при-
падши с благоговением, поклоньшеся до земли, зряше долу, со страхом слу-
шаше словеса начальника, он же повелевает ей кого превести. Она же, поклонь-
шеся, отходит на дело и, пришедши до оной сестры, возвещает ей отеческое

повеление или игуменское. Она же отвеща: «Буде воля Божия и отеческая», и идет со смирением, куды будильница поведет: в службы или во иную келлию, буди воля Божия и отеческая. Егда же соберет своя потребная, тогда начальница келии посмотрит у ней в коробке, будильница же вземше икону (Л. 21) ея и ведет, идеже наставник или игуменья повеле. Егда же приведет и глаголет начальнице: «Отец приказал, чтобы она без твоего благословения ничего не делала».

Егда же кто бьет челом в монастырь, тогда отец не скоро приемлет. Егда же примут, тогда игуменья или казначея все у ней пересмотрит, потребная ей отдадут, а лишнее в казну возьмут. Егда же кто и в монашество бьет челом, тогда отец ея не скоро постригает, но во всех службах искушает. Когда же послушна явится, тогда постригает отец в рясу, и долго время искушается в рясу. Егда же начнет молить отца, тогда и в мантию постригает.

Иногда же отец прихождаше и втай в трапезу в сторонния двери и зряше на свое стадо, как за трапезою сидят, все ли благочинно. Такжеже и по всем службам тайно назирая и по монастырю хождаше. Егда же увидит или услышит что неискусно, тогда зело наказует от Божественнаго Писания.

Егда прииде время утрени, тогда параклисиарх, приим благословение, благовестить и ударяет в било: будильница же по келлиям возбуждает на утреннее пение. Егда же соберутся в трапезу, тогда она вжигает свещу, и приходит к пастырю, и полагает поклон до земли и, приимше благословение, осматривает по крылосам и по всей трапезе. Егда же кто не обретается, (Л. 21 об.) и тогда вопрошает келейной начальницы: «Что, сестро, не прииде на соборное пение?» За немощь или на общей службе, то оставляше, аще ли за леность или за келейным делом, о том наставнику возвещает. Наставник же, призвав, зело наказует от Божественнаго Писания. Иногда же и у трапезы поставляша ю, такжеже и за преслушание или кто в чем провинится. Егда сестры вкушают — и она поклоны полагает, в простые дни — земные, аще ли за немощь, то метанием, аще ли в праздник, то с молитвою и з благоговением стояше, дондеже сестры вкушают. Егда же отгидет трапеза, тогда сестра приходит ко игуменья, и получает прощение, и вкушает за трапезою с читальниками. Егда же велика вина, тогда после трапезы в темный чулан посаждают, и муку сеет; пища же хлеб с квасом, и то по захождении солнца.

Егда же кто бесовским наваждением украдет что, тогда ту вещь повесивше на выи, поставляют такжеже у трапезы. А после трапезы поклоняется игуменья и сестрам, сице глаголя: «Простите мя, сестры, яко соблазних вас»; игуменья же с сестрами подавают ей прощение.

На утрени же по експсалмех приходит келарь ко отцу, и поклоняется до земли, и благословение приемлет пищу строить на сестры, и возьмет огонь от олтаря, и отходит с молитвою во свою службу. Такжеже приходит просфирня, (Л. 22) и приемлет благословение святых просфоры печи, и отходит во свою службу. Пристави же отец и трапезницу — старейшую старицу, она же со страхом Божиим свою службу совершает, трапезу метет, иногда же и моет, и лестницы чистит, священникам и прочим странным людям двери отворяет и паки их ис трапезы провождает.

Во время же соборнаго пения пастырь добры[й] непрестанно обзирая свое стадо, дабы стояли з благоговением и со страхом Божиим и никакой бы молвы не чинили, и повелевая будильнице сестре возбуждати, чтобы не дремали и слушали слово Божие со вниманием. Паче же во время святыя литургии повелевает старейшим старицам у дверей стоять, дабы никого не выпускали ис церкви до скончания святыя литургии, разве кроме великия нужды.

Егда же кто приедет от странных в дом Пресвятыя Богородицы помолитися, и на то устроены две старицы, приемлют их в гостиную келию, и провождают их до церкви, и в церкви с ними стоят. Аще что востребуют: свечи или ино что, у них вопрошают, а никто не подходит, кроме приставленных стариц.

Аще ли кто во обители сродницу у себя имеет или знаемую, то до времени не беседует. Егда же приводят их в гостиную келию и учреждают им трапезу, тогда (Л. 22 об.) призывают сродницу или знаемую и довольно беседует не наедине, но тут и гостинныя старицы сидят, от иных же никто не входит. Аще ли кто изволит начевать, тогда сродница или знаемая токмо в вечеру побеседует и идет во свою келию, токмо остаются с ними гостинныя старицы. Аще ли кто от мужескаго полу от нарочитых, тогда отец и сам прихождаше в гостиную келлию или на крыльцо и призывает сродницу или знаемую, и ту беседует. Аще ли кто и от меньших издалека, ту же в келлии беседует. А кто с пути заедет и молит прилежно, чтобы видеть сродницу, аще и во время пения, по нужде, отец повелевает. Аще ли кто от ближних, то у врат беседуют, и вратницы с ними, мужеска полу мало, женска же полу довольно беседуют.

Аще ли кто что принесет ко вратам сроднице своей от земных плодов или ино что, тогда вратница, по благословению отеческому и игумении, возьмет и отдает той старице. Она же приемше, благодаря Бога, вкушает со своими келейными. Егда же кому епистолия приидет, тогда отец возьмет и, прочетши, отдает кому прислано.

Божиим изволением, и с молитвами Пресвятыя Богородицы, и государским жалованием распространися сия (Л. 23) обитель. Тогда устроиша скотный двор, тогда тут же и конюшень. У врат же монастырских пристави отец две вратницы. Аще же кому что требе, дрова или ино что, тогда старицы приходят ко вратницам и о том глаголют. Они же исполняют им все потребное, а сами отнюдь не глаголют. Егда же прилучится кому свиты измывать, тогда с начальницею ходят, и то кроме ж церковнаго пения.

Отец же Корнилий начат маленькия словесныя овечки собирати убогия и сиротки, ово дву лет, ово же трех, иная же пяти лет. И собрася их числом 15, и устрои отец школу. И едину от клирик пристави им мастерицу 16 лет, и повеле ей учить словесному и всякому благочинию. Она же учаше их всякому благочинию к рацеям. Егда же богомольцы бывають, тогда отец с ними и в школу прихождаше, и повелевает им рацей говорить, они же пред ними благоговейно глаголют, богомольцы же и деньги дают. И те маленькия детки отдают денги учительнице своей, она же повелевает им купити ягод или иного чего и раздает им.

Отец же Корнили[й], велию ревность имея ко святей церкви, дабы ю украсити чтением и пением, паче бо всех красот мира сего возлюбив благолепие дому Господню, (Л. 23 об.) имея велие разсуждение, что сего на сем свете несть честнейшаго, понеже бо в ней Духом Святым породихомся, и додеса ею живот человеком, в ней бо оставление грехов приемлем и причастие Пречистых и Животворящих Тайн сподобляемся, а по смерти же обретаем ею Царство Небесное. Почиташе же и всех причетников церковных и всякую потребу им исполняя, и за то велие поношение претерпе, даже и до смерти. Еще бо в начале общаго жительствова отец Корнилий говорил Богом собранному своему стаду.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Заголовок текста дан публикатором (в рукописи отсутствует).
- ² Прп. Лукиан († 8 сентября 1655), строитель Лукиановой Рождество-Богородицкой пустыни, находящейся в 10 верстах от Александровской слободы. Пустынь основана в конце XVI в. В Смуту она подверглась разорению и была возобновлена иеромонахом Феодосием в 1640 г. Его Житие включено в состав «Повести о основании Лукиановой пустыни» и «Сказания о иконе Рождества Богоматери в Псковитиновой рамени» (см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 4. СПб., 2004. С. 524–527; *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. Т. 2. СПб., 1892. № 911. Сохранился также синодик-помяник Лукиановой пустыни, написанный, очевидно, вскоре после ее основания (ГИМ, собр. Борятинского, № 337).
- ³ Церковь Рождества Христова на посаде Александровской слободы известна по писцовой книге 1627 г. (см.: *Пэнэжско О., прот.* Храмы г. Александрова и окрестностей. [Владимир], 2003. С. 31).
- ⁴ Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Буграх построена в XVI в. на Государевом дворе.
- ⁵ Вероятно, это первая царская грамота монастырю 1650/51 г. См.: *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского женского монастыря в городе Александрове (Владимирской губернии). СПб., [1885]. С. 34.
- ⁶ Борков Александр Федорович, очевидно, представитель московской дворцовой администрации. В «Повести о основании Лукиановой пустыни» и «Сказании о иконе Рождества Богоматери в Псковитиновой рамени» он упоминается как царский «истопник» (см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 4. С. 526; *Пэнэжско О., прот.* Указ. соч. С. 39). Его родные — отец Федор Петрович и брат Никита Федорович Борковы — имели чины степенных ключников (см.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Биографии. Т. 2. М., 1992. С. 433; *Морозов Б. Н.* Чертеж конца XVII века подмосковной вотчины князей Воротынских // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 185–192).
- ⁷ Мария Ильинична (1625–1669), урожденная Милославская, царица, 1-я супруга царя Алексея Михайловича. Неоднократно посещала Александровский монастырь и покровительствовала ему. Один из древних приделов Успенской церкви, освященный во имя свт. Николая Чудотворца, переосвятили в честь св. покровительницы царицы Марии Ильиничны — Марии Египетской. Ее всегда поминали

- в синодиках Успенского монастыря. В Александровском музее хранятся ее серебряные братина и чарка. Первая из них была привезена в 1699 г. Марфой (Маргаритой) Алексеевной, дочерью Марии Ильиничны. Чарку, очевидно, дала вкладом сама царица. (Подробнее об этом см. в неопубликованной работе: *Рыбакова М. К.* Драгоценная посуда XVI–XVIII вв. в собрании Музея-заповедника «Александровская слобода». Александров, 2005. Автор благодарен М. К. Рыбаковой за любезно предоставленную возможность ознакомиться с рукописью.)
- ⁸ Ирина Михайловна (1627–1679), царица, дочь царя Михаила Федоровича и его 2-й супруги — Евдокии Лукьяновны Стрешневой.
- ⁹ Алексей Алексеевич (1654–1670), царевич, сын царя Алексея Михайловича.
- ¹⁰ Патриарх Московский и всея Руси Никон был в Александровой слободе в 1654 г., 30 июня этого года датируется его грамота на освящение Успенской церкви (см.: *Леонид (Кавелин)*, архим. Указ. соч. С. 35, 136).
- ¹¹ Ртищев Федор Михайлович (1626–1673), русский государственный деятель. С 1646 г. — постельничий, с 1656 г. — окольничий. Был близким советником царя Алексея Михайловича, входил в «кружок ревнителей благочестия». Возглавлял приказы Большого Дворца, Тайных дел и др. Организовал в Москве школу при Андреевском монастыре («Ртищевское братство»). Его жизнь описана современником в особой Повести — «Житии» (см.: Древняя российская вивлиофика. Т. 18. М., 1791).
- ¹² В 1358 г. свт. Алексей по просьбе своих сестер Евпраксии и Иулиании основал на Остоженке женский монастырь с деревянной соборной церковью, где приделы были освящены в честь Зачатия Пресвятой Богородицы и во имя прп. Алексия, человека Божия, — будущий московский Зачатьевский монастырь. В 1472 г. этот монастырь впервые упоминается в летописи как Алексеевский. Именно с этого времени начинается его фактическая история. После пожара 1547 г. царь Иван Грозный перевел Алексеевский монастырь ближе к Кремлю, к устью ручья Черторыя — на Чертольский холм. С этого времени Алексеевский монастырь уже существовал в Москве самостоятельно (см.: *Малиновский А. Ф.* Обзорение Москвы. М., 1992; *Зверинский В. В.* Указ. соч. Т. 1. № 10).
- ¹³ Московская слобода Троице-Сергиева монастыря, расположенная за Земляным городом, на реке Неглинной.
- ¹⁴ Чудов монастырь (Алексеевский Архангело-Михайловский) в Московском Кремле. Основан в 1365 г. Состоял в ведении митрополитов, затем Патриархов Московских и всея Руси. С XVI в. Чудов монастырь был рассадником духовно-научного просвещения в России. При Патриархе Филарете Никитиче в монастыре было учреждено греко-латинское училище, называвшееся также патриаршей школой. Многие иноки Чудова монастыря занимались переводом книг Священного Писания на славянский язык; здесь производилось и исправление церковных богослужебных книг (см.: *Зверинский В. В.* Указ. соч. Ч. 2. № 1357).
- ¹⁵ Флорищева-Успенская пустынь, в 25 верстах от Гороховца, основана в середине XVII в. Прп. Корнилий был, очевидно, одним из ее первых насельников. Пустынь пользовалась особым царским покровительством, известна ее богатая библиотека, содержащая ряд уникальных памятников древней письменности («Временник» дьяка Ивана Тимофеева и др.).
- ¹⁶ Покровский (ныне Троицкий) собор Александровской слободы.
- ¹⁷ См. Благодословенную грамоту правившего патриаршими делами митрополита Сарского и Подонского Питирима игумении Агнисии 1662 г. (*Леонид (Кавелин)*, архим. Указ. соч. С. 136–137).

- ¹⁸ Ртищева Анна Михайловна, сестра Ф. М. Ртищева. Входила в «кружок ревнителей благочестия».
- ¹⁹ Голохвастов Иов Демидович († 1692/93), в 1650-х гг. стольник, в 1657/58–1658/59 гг. — чашник, затем комнатный стольник, с 1676 г. — думный дворянин, с 1690 г. — окольничий (см.: *По М., Кошелева О., Мартин Р., Морозов Б.* Российская элита в 17-м веке. Т. 1: Думные и церемониальные чины Государева двора 1613–1713 гг. [Helsinki], 2004. Р. 401 (*Poe M., Kosheleva O., Martin R., Morozov B.* The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 1: The consular and ceremonial ranks of the Russian «Soveren's Court» 1613–1713).
- ²⁰ Лихачев Алексей Тимофеевич († после 1713), происходил из известного дьяческого рода. В 1670-х гг. — стряпчий с ключом и комнатный стольник, с 1680 г. — постельничий, с 1683 г. — окольничий. В Успенский монастырь вложил часть своей библиотеки. Несколько книг из нее сохранилось (см.: *Лихачев Н. П.* Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. СПб., 1913; Российская элита в 17-м веке. Т. 1. С. 416), в том числе печатные книги в Музее-заповеднике «Александрова слобода» (подробнее об этом см.: *Жилкина Е. В.* Книги с вкладными владельческими записями XVII — начала XVIII в. в собрании Музея-заповедника «Александровская слобода»). В 14-м чуде из «Сказания о чудесах иконы Богородицы в Успенском монастыре» упоминается супруга его брата, ключника Сытного дворца Михаила Тимофеевича Лихачева.
- ²¹ Место, где чернили холст для одежды (примеч. архимандрита Леонида (Кавелина). С. 24).
- ²² Подробную роспись двух монастырских синодиков 2-й половины XVII в. с именами инокинь см.: *Леонид (Кавелин), архим.* Указ. соч. С. 100–109. Их настоящее местонахождение неизвестно.
- ²³ Хлеб, освящаемый в 1-й день Пасхи.